

Отзыв официального оппонента
о диссертации Анатолия Васильевич Панюкова
«Синергетика фольклорных инноваций в традиционной культуре коми»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 5.9.4 – Фольклористика (филологические науки)

Предложенная к защите тема диссертации заявлена впервые и включает в себя несколько аспектов. Первый связан с разработкой синергетического метода применительно к фольклору, второй – с исследованием фольклорной культуры коми. Объектом диссертационного исследования являются инновации, связанные, прежде всего, с иноэтническими заимствованиями.

Предмет исследования составляют инновационные процессы, существующие в фольклорной традиции коми.

Проблематика исследования определена подходом к изучению фольклора коми с позиций синергетического метода.

Цель работы – исследование и выявление роли инновационных процессов в механизмах самоорганизации фольклорной системы коми.

Источниковой базой диссертационного исследования является вся традиционная культура коми, в совокупности фольклорных, языковых, этнографических данных, полученных из ранее опубликованных материалов и архивных источников. Часть материалов была получена в результате многолетних полевых исследований А.В. Панюкова, проходивших на территории этнического пограничья коми с русскими и ненцами.

Работа состоит из Введения, 5 глав, Заключения, Списка сокращений и Списка литературы.

Глава 1 «Специфика инновационных процессов в фольклоре коми» посвящена анализу инновационных процессов в культуре коми, которые А.В. Панюков пытается осмыслить с точки зрения синергетики. Он отмечает, что на рубеже веков фольклористика оказалась перед необходимостью переоценки предмета исследования и научной методологии. Этот вывод справедлив. В 1990-е гг. российская фольклористика начала пересматривать свое предметное поле и обратилась к новым исследовательским методам. С целью создания новой фольклористической методологии А.В. Панюков обращается к синергетике – междисциплинарному научному направлению, изучающему общие закономерности, лежащие в основе процессов самоорганизации в системах различной природы (физических, химических, биологических, экономических,

социальных и др.). Согласно синергетике, регулярное самопроизвольное поведение сложной системы возникает в результате развития в ней какой-либо неустойчивости, а процесс упорядочения (образования структур) связан с коллективным поведением образующих её подсистем, поэтому синергетику часто называют теорией самоорганизации.

Считаю, что сравнение фольклорного процесса с биологическим является непродуктивным. В современной фольклористике активно развиваются этнолингвистические и антропологические методы, например, прагматика фольклора позволяет изучить его в социокультурном контексте. В настоящее время фольклор оказался в сфере интересов различных гуманитарных наук: антропологии, социологии, когнитологии, дискурсивного анализа и др. Диссертационное исследование перегружено экскурсами в область естественных наук, что затрудняет его прочтение.

Я не согласна с утверждением А.В. Панюкова, что фольклористические методы «не доходят до своего логического конца» (с. 6). Исследовательские фольклористические методы являются полноценными и самодостаточными. В рамках каждого из них существуют интересные и глубокие исследования.

Автор диссертации опирается в своем исследовании на работы ведущих фольклористов (А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, Б.Н. Путилова, С.Ю. Неклюдова и др.), но в работе отсутствует информация о современных исследователях, занимающихся изучением теории фольклора (С.Б. Адопьевой, К.А. Богданова, А.А. Панченко и др.).

Синергетика изучает эволюционные процессы (об этом неоднократно говорится в диссертации – с. 7, 18, 24, 38, 368), но фольклор не развивается эволюционно, как считалось долгое время. В нем на равных основаниях существуют разностадиальные явления. Это доказал Бр. Малиновский, создав теорию функционализма. Исходя из своей функционалистской концепции, Бр. Малиновский критиковал метод пережитков Э. Тайлора. По его мнению, такой подход наносил вред наукам о культуре, так как то или иное явление вместо поиска его смысла и функций объявляли пережитком. Понятие «эволюция» в современной гуманитарной науке подвергается критике.

В диссертации фольклор характеризуется как «народная художественная культура» (с. 4), но художественной может быть только литература. Поэтому фольклорные тексты не являются «художественными», и в фольклоре нет «художественного» освоения мира. Использование подобной терминологии переводит фольклор в область литературы. Например, одна из задач исследования формулируется как необходимость «сопоставить понятия «замысел фольклорного произведения» и синергетический «аттрактор» как «квазицелей» системы, создающих упорядоченности на определенных участках». (с. 16)

4

Несмотря на то, что термин «замысел...» используется фольклористами, я бы очень осторожно отнеслась к его использованию. Он предполагает, что у текста может быть автор.

Этнос не имеет своей «картины мира» (с. 14) и какой-то своей особой ментальности, соглашаясь с этим утверждением, мы предполагаем, что этничность обусловлена генетически, местом рождения и географическими условиями.

В фольклоре не существует «канонических текстов» (с. 5) и «прототекстов» (с. 19), как пишется в диссертации. Это утверждение являлось одним из положений исторической школы фольклористики (Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Т.2. Былины. М., 1910), но в фольклоре равноценны все тексты.

Несмотря на то, что проблематика диссертации обусловлена разработкой синергетического метода применительно к фольклору, в диссертационное исследование проводится и с помощью других методов, обращение к которым, на мой взгляд, дает более репрезентативные выводы, чем метод, заявленный в диссертации. Так, параграф «1.2. К специфике коми-русских фольклорных взаимосвязей» содержит обзор коми-русских взаимосвязей в области фольклора. Этот параграф отличается по своей методологии от предшествующей части диссертации. В нем А.В. Панюков, опираясь на структурно-семиотический метод, делает интересные наблюдения. Так, оппозиция русский («роч») / коми рассматривается в нем как основная для всей коми традиции.

В диссертации впервые в науке был предпринят анализ семантического перевода русских песен на язык коми. Но в нем, как и в других частях работы, часто отсутствуют ссылки на работы фольклористов, занимавшихся изучением жанров, на примере которых исследуются процессы инновации.

В параграфе «1.3. Синергетика фольклорных контактов: ижмо-колвинский эпос» обстоятельно рассматривается эпос ненцев и северных коми как органичное соединение финно-угро-самодийских элементов. Диссертация свидетельствует о том, что А.В. Панюков хорошо знает историю этнографической группы, которую составляют северные коми и ненцы. Он обращает внимание на то, что особенностью ижмо-колвинского эпоса является сложность выделения критерия для разграничения эпических песен от произведений лиро-эпического характера. А.В. Панюков справедливо объясняет эту особенность «внутрисемейным» двоимирием, обусловленную тем, что женщины коми выходили замуж за ненцев. Выходя замуж, женщины приносили в семью песни-импровизации – *пуранкыв*, в свою очередь, мужчины исполняли эпические богатырскими песни.

Наиболее важной частью диссертации я считаю часть, посвященную исследованию межэтнических взаимодействий коми и русского фольклора, которые раскрываются в главе 2 «Самоорганизация инновационных явлений». Понятие «инновация» – базовое для всего диссертационного исследования. Инновации в фольклоре являются постоянным процессом. Фольклор существует в постоянном процессе варьирования и изменения текста.

В параграфе «2. 1. Образ радуги в фольклоре коми» исследуется образ радуги, который в народной этимологии означает «быка с коровой», или небесного быка. *дыкка-мёска* (коми) Несмотря на интересный материал, в исследовании архаизируется образ быка, встречающейся в традиционной культуре коми. Можно согласиться с А.В. Панюковым, что упоминание быка в сказке СУС 216*, имеющей цепевидную структуру, связано с космогоническими представлениями коми (с. 103-105). Но в то же время сказка имеет широкое распространение не только среди коми, но и в севернорусской фольклорной традиции (см. «Архангельские сказки (из материалов Лаборатории фольклора Поморского университета)» / Сост. и отв. ред. Н.В. Дранникова. Архангельск, 2002. № 78-79)).

В параграфе «2.2. Горань» одноименная святочная игра рассматривается как результат инновации или взаимодействия русской и коми традиции. В нем предпринят этимологический анализ слова «горань» и текстологический анализ самой святочной игры. С этой целью привлекается большой лексический материал и корпус фольклорных текстов.

В параграфе «2.3. Магический обряд на смерть «ректасем» впервые исследуется трансформация русского лечебного обряда (обмера больного нитью) в смертельный обряд коми, который проводится в кризисной ситуации над тяжело больным человеком перед его смертью. *Ректан* в языке коми – мотовило, рожки мотовила. В параграфе всесторонне рассматривается семантика и структура обряда, связанная с облегчением перехода человека из мира живых в мир мертвых, приводятся примеры различных обрядовых параллелей и ритуальных действий, существующих в русской и коми традициях.

Но насколько этот обряд является инновацией? На мой взгляд, обряд мог возникнуть в среде коми, а не был заимствован ими у русских. В культурах различных народов могут существовать типологически близкие структуры, сюжеты и обрядовые действия, которые возникают независимо друг от друга.

В параграфе «2.4. Мифологический сюжет о варке сусла» исследуется сюжет о варке сусла, который, по мнению А.В. Панюкова, был заимствован из русского фольклора. В процессе аккультурации сюжет наполнился содержанием, соответствующим

6

фольклорным представлениям коми. Этот подход является продуктивным для исследования различных жанров фольклора.

Глава 3 посвящена календарным инновациям. В параграфе «3.1. Святочные духи и образ мороза» содержатся интересные наблюдения, включающие в себя выявление взаимосвязи святочных представлений с мифологическим образом коми-зырян – трескучим морозом, и делается вывод о том, что святки явились метонимическим обозначением святочных морозов.

В параграфе «3.2. День Демьяна Бедного» предпринята попытка исследования того, как имя поэта Демьяна Бедного стало названием дня святых Козьмы и Демьяна (1/14 ноября). Отмечу, что ставшее названием праздника имя поэта не является хрононимом, как это характеризуется в диссертации (с. 177). На мой взгляд, заимствование произошло в результате совпадения имени поэта и святого Демьяна, а не в результате ассоциации этого дня с «бедностью». Подобный переход называется в ономастике трансонимизацией.

Для исследования лингвистических процессов, которым довольно много места отводится в диссертации, целесообразнее было бы использовать этнолингвистические методы, а не методологию естественных наук.

Научной рефлексии требует утверждение, что в современной теории фольклора «фольклор жив настолько, насколько он сохраняет установку на традиционность» (с. 359). В современной фольклористике оно подверглось редакции и толкуется расширительно. В научный оборот в 1990-е гг. вошел термин С.Ю. Неклюдова «постфольклор» как область словесности, тексты которой развиваются по фольклорным схемам, но не подходят под формальное определение фольклора.

В параграфе «3.3. День Победы и образ Стефана Пермского» впервые на материале устных и письменных источников о Стефане Пермском рассматривается процесс переименования названия Дня Победы в «Степанов день Победы», возникшее в результате совпадения в календаре дат Степанова дня и Дня Победы. А.В. Панюков убедительно доказывает, что эпитеты «великая», «отечественная», «священная», появившиеся в первые дни войны, ассоциировались, для коми в первую очередь, с христианской тематикой. Но в параграфе отсутствует информация о исследованиях, имеющих близкую тематику (А.Б. Мороза, Ю. Шеваренковой и др.). Процессы, которым посвящен параграф, встречаются не только в культуре коми, но и в русском фольклоре, поэтому их желательно рассматривать в сравнительном контексте.

В главе 4 «Самоорганизация заговорных инноваций» исследуется взаимодействие коми и русской заговорной традиции, в результате которой образуются новые заговоры.

В параграфе «4.1. Фрактальная организация заговорной традиции нимкыв видзем» рассматривается процесс заимствования отдельных слов из русских заговоров и молитв в текстах заговоров коми (нимкыв). Объясняя причины заимствования, А.В. Паниюков пишет о существовании в заговорах текстологических «ниш», которые позволяют заменять одно слово другим. Обращение к работам А.В. Юдина (Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997), Л.Г. Невской и Т.Н. Свешниковой (Заговорный текст: Генезис и структура, Сб. научн. статей. М.: «Индрик», 2005) и др. известных исследователей заговорной традиции позволило бы сделать исследование более репрезентативным.

В параграфах «4.2. Самоорганизация заговорной зауми» и «4.2.1. Заумь в заговорной традиции коми: к постановке проблемы» в научный оборот впервые вводятся детские промысловые заговоры, содержащие «словесную тарабарщину». Вывод о том, что в текстах заговорной зауми важен ритм, а не смысл, а заумь – это результат компрессии словесной части в ритмическую, оправдан.

В параграфе «4.2.4. Метроритмическая матрица как структура-аттрактор» делается вывод о том, что в заговоре играет важную роль ритм. А.В. Паниюков обоснованно полагает, что текст в заговоре накладывается на ритмическую матрицу (с. 268). Об этом писали Н.Ф. Познанский, В.И. Харитонов и др.

В диссертационном исследовании впервые формулируется гипотеза о происхождении заговорной «зауми» как компрессии грамматически правильной вербальной части заговора в « ритмическую матрицу заговорного акта» (с. 299) или как результата особой стратегии передачи заговорного знания от учителя ученику, когда в силу определенных психофизиологических установок и ограничений ученик не запоминает заговорный текст, а воспроизводит более глубокие уровни магико-ритуального перформатива, связанные с ритмической матрицей (с. 292). Эти выводы делаются на большом источниковом материале с помощью текстологического и ритмического анализа заговоров.

А.В. Паниюков обоснованно пишет о том, что появление «зауми» в заговорах коми было основано на представлении об особой силе «чужой» магии, поэтому слова и фразы, заимствованные из других языков, попадая в другую фольклорную реальность, могли обретать новую знаковость и прагматику.

В главе 5 «Самосборка сюжета в фольклоре» исследуется роль ассоциативно-смысловых связей в создании фольклорных текстов. В параграфах «5.1.1. Предание об убийстве князя Василия Вымского: в поисках истоков» и «5.1.2. Самосборка сюжета предания об убийстве Василия Вымского» в качестве примера инновации рассматривается

8

появление в фольклоре коми сюжета об убийстве князя Василия Вымского. С этой целью А.В. Панюков привлекает памятники древнерусской книжности (Вычегодско-Вымскую летопись). В диссертации предлагается анализ ассоциативных рядов, основанных на данных топонимики, древнерусской книжности и археологии. Фольклорный сюжет об убийстве Василия Вымского был внесен в Вычегодско-Вымскую летопись, а затем после ее публикации вновь вернулся в фольклор. Исследование ассоциативных рядов может быть продуктивным для других жанров фольклора.

Считаю, что нецелесообразно использовать термин физики «самосборка» для анализа возникновения новых сюжетов, и в отношении фольклора он носит искусственный характер.

В параграфе «5.2. Самосборка демонологического сюжета и измененные состояния сознания» предлагается необычный для фольклористики прием, объяснения происхождения демонологических рассказов (быличек) изменением состояния человека в момент засыпания (например, в охотничьих и других промысловых избушках). Но полагаю, что подобное объяснение может носить ограниченный или частичный характер, т.к. главная причина появления подобных рассказов – верования. Сюжеты, связанные с появлением в мужской среде мифологических персонажей во время различных промыслов, есть в севернорусской традиции, например, на Пинега это *бороухи* (мифологические существа, приобретающие облик знакомой женщины).

О сюжете демонологических рассказов написали И.А. Разумова и М.Л. Лурье («Анализ структуры устных демонологических рассказов» // Живая Старина. 2002. №2. С. 10-12.). В данном параграфе, как уже было отмечено мною выше, не хватает ссылок на близкие по тематике исследования других ученых.

В Заключении представлены выводы диссертационного исследования.

В своей диссертации А.В. Панюков демонстрирует хорошее знание фольклорной культуры коми, владение методикой лингвистического анализа, предложенный им анализ отдельных текстов и жанров фольклора вызывает большой интерес.

Апробация результатов исследования проводилась с 1996 г. на конференциях различного уровня. Список литературы составляет 311 номеров, которые свидетельствуют о проработанности исследуемого материала.

Опубликованные статьи и автореферат диссертации полностью отражают ее содержание. Автореферат выполнен с соблюдением установленных требований. Исследование прошло необходимую апробацию, по теме опубликовано 50 работ, в том числе 19 в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Переходя к завершающей части отзыва, отмечаю, что уровень решаемых задач соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени по специальности 5.9.4 – «Фольклористика». Содержание диссертации соответствует специальности. Диссертация является законченным научно-квалификационным исследованием, которое по актуальности, научной новизне, обоснованности и достоверности выводов соответствует критериям, которые изложены в пп. 9–14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 01.10.2018 г. с изменениями от 26.05.2020 г.), а ее автор Паноков Анатолий Васильевич заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.4 – Фольклористика.

Официальный оппонент,

Дранникова Наталья Васильевна, доктор филологических наук (специальность – 10.01.09 Фольклористика), профессор, ассоциированный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге, n.v.drannikova@gmail.com

15.10.2024

(Дранникова Наталья Васильевна)

Контактные данные:

Европейский университет в Санкт-Петербурге

191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А

Тел.: (812) 386-76-37; e-mail: rectors_office@eu.spb.ru. веб-сайт: <https://eusp.org/>

г. Архангел-

Число

Российская Федерация

Город Архангельск, Архангельская область

Двадцать третьего октября две тысячи двадцать четвёртого года

Я, Котурова Маргарита Евгеньевна, нотариус нотариального округа Город Архангельск Архангельской области, свидетельствую подлинность подписи ДРАННИКОВОЙ НАТАЛЬИ ВАСИЛЬЕВНЫ.

Подпись сделана в моем присутствии.

Личность подписавшего документ установлена.

Зарегистрировано в реестре: N 29/105-н/29-2024-1-1009.

Уплачено за совершение нотариального действия: 1 100 руб. 00 коп.

Handwritten signature of M. E. Koturova

М. Е. Котурова

Прошито и пронумеровано

9 (девять) листов

Нотариус

Handwritten signature of the notary

Сведения об официальном оппоненте
 по диссертации Панюкова Анатолия Васильевича
 «Синергетика фольклорных инноваций в традиционной культуре коми» по специальности
 5.9.4 – «Фольклористика» на соискание ученой степени
 доктора филологических наук

Фамилия, имя, отчество	Дранникова Наталья Васильевна
Ученая степень (с указанием специальности)	Доктор филологических наук, специальность 10.01.09 – фольклористика
Ученое звание	профессор
Основное место работы	
Полное наименование организации в соответствии с уставом	Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге»
Сокращенное наименование организации в соответствии с уставом	АНООВО «ЕУСПб»
Полное наименование структурного подразделения	Факультет антропологии
Почтовый индекс, адрес организации, адрес электронной почты	191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1А rectors_office@eu.spb.ru
Веб-сайт	https://eusp.org/
Телефон	8(812) 386-76-37
Список основных публикаций оппонента, составляющего отзыв, за последние 5 лет (не более 15 публикаций)	<p>1) Дранникова Н. В. Разрушение православных церквей и культовых сооружений в повествовательной традиции Архангельской области // Традиционная культура. 2020. Т. 21, № 2. С. 91-102.</p> <p>2) Дранникова Н. В. Устные рассказы о мезенских храмах как предмет междисциплинарного исследования // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 144-159.</p> <p>3) Drannikova N.V. Special settlers of Arkhangelsk in the cultural memory of the local community and their descendants // Slovak Ethnology. 2020. Vol. 68. No 3. P. 273-284.</p> <p>4) Дранникова Н. В., Лосева С.А. Особенности современных мифологических рассказов русского населения полуострова Канин // Русская традиционная культура сегодня: экспедиционные и архивные открытия: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 30 окт. 2021 г.) Ульяновск: Ульяновский гос. пед. ун-т, 2022. С. 36-50.</p> <p>5) Дранникова Н. В. «Кабы не было б колхозов — не было бы горюшка»: частушки о советской власти в рукописи М. И. Романова «Фольклор Устья (очерки). Пережитки древних эпох в фольклоре и быте северной деревни» // Прекраснейшей: сб.</p>

памяти Елены Душечкиной. СПб : Нестор-История, 2022. С. 500-506.

6) Дранникова Н. В., Морозова Т.Н. Автобиография Т. Е. Точилова (1881-1939) в контексте социо-культурных практик и этнографических реалий Зимней Золотицы // Словесность и история. 2023. № 3. С. 208-225.

7) Дранникова Н. В. Архангельское село Лявля как место насилия: между историей и мифом // Антропологический форум. 2024. № 61. С. 194-218.

Ассоциированный сотрудник
Европейского университета в Санкт-Петербурге,
доктор филологических наук, профессор

Н.В. Дранникова

«15» октября 2024 г.